

Рефлексия на себя и на других

Личность в контексте культуры

Михаил Щепенко

О ПОДЛИННОСТИ ТЕОРИИ НАРОДНО- СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ МИХАИЛА БАХТИНА

Аннотация. *Анализируется методологическая позиция М.М. Бахтина относительно природы народно-смеховой культуры в творчестве Франсуа Рабле и народной культуры Средневековья и Ренессанса. Автор, соглашаясь с мыслью, относительно амбивалентности смеха, выражает радикальное несогласие с целостной концепцией М.М. Бахтина: с самими постулатами, критериями и принципами. Автор доказывает безнравственность и агрессивность народной смеховой культуры, поддерживаемой философией М.М. Бахтина*

Ключевые слова: *смех, амбивалентность смеха, материально-телесное начало народной смеховой культуры, смеховая культура – драма телесной жизни, нравственное сознание, тело и душа человека, добро и зло, личность*

Annotation. *There is can be found analysis of Michail Bakhtin's methodological position concerning essence of popular laugh-culture in the works by François Rabelais and essence of popular culture of the Middle Ages and Renaissance. The author, being agreed with the idea of ambivalence of laugh, renounces with whole Michail Bakhtin's conception, its criteria and principles. The author demonstrates immorality and aggressiveness of popular laugh-culture supported by Michail Bakhtin's philosophy.*

Keywords: *laugh, ambivalence of laugh, ethic consciousness, person's body and soul, good and evil, personality.*

Кто полностью отрекся от Бога – и словом и сердцем, – тот не способен в жизни сделать ничего, что бы не служило его полному разрушению, телесному и душевному.

Потому не спеши искать палача для безбожника. Безбожник нашел палача в самом себе, причем наиболее беспощадного, какого только может дать весь этот мир.

Святитель Николай Сербский

I

Таинственная
природа смеха

О таинственной природе смеха рассуждали многие мыслители, пытаюсь уловить его сущность. Но, кажется, сделать это невозможно: мы имеем дело с чем-то по природе своей в корне непостижимым, с некоей «вещью в себе», содержание которой неотвратимо ускользает от рационального взгляда и логического постижения.

Очень непросто определить, что есть смех. Радость? Да. Но почему юмористы являются самыми мрачными людьми? Высмеивание порока? Да. Но почему мы снисходительны к тем, над кем смеемся, и даже готовы полюбить их? Вспомним тургеневское: «Чему посмеешься, тому послужишь». Смех – особое видовое качество, свойственное только человеку? Да. Но почему предметом смешного является главным образом то, что находится ниже пояса, то есть то, что как раз характеризует человека как животное? Смех – источник здоровья? Да. Но почему Церковь указывает нам на грех смехотворства, ведь грех – это путь к смерти? Смех – это преодоление чего-то страшного, рокового, неутешного? Да. Но почему после долгого смеха хочется плакать?

Смеховые жанры
литературы

Ответить на эти вопросы человечество стремилось на всем протяжении своей истории. Теорий смеха немало. Все они так или иначе указывают на двойственную природу смеха, на его негативно-позитивное начало, на его необходимость для человека и неиссякаемость. В то же время смеховые жанры относили к низшим жанрам литературы и усматривали в них атрибут плебса и черни. Теория смеха и ее историческая трансформация – это огромный по объему процесс, который невозможно изложить в объеме одной статьи.

Однако есть чрезвычайно интересный труд, который содержит в себе концептуальный, парадоксальный и претендующий на итоговость взгляд на интересующий нас предмет. Это объемный трактат М.М.

Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [1].

II

Понимание
амбивалентности
смеха

М.М. Бахтин исследовал извечно существующую народно-смеховую культуру, усматривая в творчестве Ф. Рабле ее вершину. Справедливо отмечая амбивалентность смеха, его противоречивую особенность: отрицая – утверждать, уничтожая – воскрешать, он писал: «Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального Средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений – площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга... – все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры» [1, 6].

Автор отмечал, что организующее карнавальными обрядами смеховое начало абсолютно освобождает их от всякого религиозно-церковного догматизма, от мистики и от благоговения, они полностью лишены и магического и молитвенного характера. <...> Все карнавальными формами последовательно внецерковны и внерелигиозны. Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия [1, 9].

Карнавал – особое
состояние мира

Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Это возврат на землю сатурнова золотого века, <...> идея вселенского обновления [1, 10]. Единое карнавальное мироощущение народа, враждебное всему готовому и завершенному, всяким претензиям на неизблемость и вечность. Сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него очень характерна своеобразная логика «обратности» (à l'envers), «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада... Эта пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как «мир наизнанку», очень далека от чисто отрицательной и формальной пародии нового времени: отрицая, карнавальная пародия одновременно возрождает и обновляет. Голое отрицание вообще совершенно чуждо народной культуре [1, 14].

Материально-телесное начало народной смеховой культуры

Материально-телесное начало в гротескном реализме (то есть в образной системе народной смеховой культуры) дано в своем всенародном, праздничном и утопическом аспекте. Космическое, социальное и телесное даны здесь в неразрывном единстве как неразделимое живое целое. И это целое – веселое и благостное – противопоставляется всякому отрыву от материально-телесных корней мира, всякой отвлеченной идеальности, всяким претензиям на отрешенную и независимую от земли и тела значимость.носителем материально-телесного начала является здесь не обособленная биологическая особь и не буржуазный эгоистический индивид, а народ, притом народ в своем развитии вечно растущий и обновляющийся. Ведущий момент во всех этих образах материально-телесной жизни – плодородие, рост, бьющий через край избыток [1, 24].

Определение «верха» и «низа»

Дается внятное определение «верха» и «низа». Верх – это небо; низ – это земля; земля же – это поглощающее начало (могила, чрево) и начало рождающее, возрождающее (материнское лоно)... Снижая, и хоронят и сеют одновременно, умерщвляют, чтобы родить сызнова лучше и больше. Снижение значит также приобщение к жизни нижней части тела, жизни живота и производительных органов, следовательно, и к таким актам, как совокупление, зачатие, беременность, рождение, пожирание, испражнение. Снижение... амбивалентно, оно отрицает и утверждает одновременно. Сбрасывают не просто вниз, в небытие, в абсолютное уничтожение, – нет, низвергают в производительный низ, в тот самый низ, где происходит зачатие и новое рождение, низ – это рождающая земля и телесное лоно, <...> низ всегда зачинает [1, 26].

Присутствие беса – утверждение амбивалентных точек зрения

Автор не скрывает присутствие беса. В дьяблериях средневековых мистерий... черт – это веселый амбивалентный носитель неофициальных точек зрения, святости наизнанку, представитель материально-телесного низа... В нем нет ничего страшного и чуждого ... «черти – славные ребята и отличные собутыльники» [1, 47]. Мистерийный черт – это амбивалентный образ, похожий в этом отношении на дурака и шута. Черт Эрлекин превращается в карнавальную и комедийную фигуру Арлекина. Напомним, что и Пантагрюэль первоначально был мистерийным чертом. Мистерийный черт не только неофициальная фигура, – это и амбивалентный образ, похожий в этом отношении на дурака и шута [1, 290].

Ни имя, ни ядро образа Пантагрюэля не были созданы Ф. Рабле. Самое имя существовало до него и в литературе как имя одного из чертей в дьяблериях и в языке, как нарицательное имя (название) горловой болезни – потери голоса в результате перепоя (болезнь пьяниц) [1, 352], образ Пантагрюэля как мистериального черта связан, с одной стороны, с космическими стихиями (со стихией воды и с морской солью) и, с другой стороны, – с гротескным образом тела (разинутый рот, жажда, пьянство), и, наконец, с чисто карнавальным жестом насыпания соли в разинутый рот [1, 353].

Смех Ренессанса – одна из форм правды о мире

Понятия «серьезность», «официальность», «религиозность», «окаменелость» для автора практически синонимичны. Во всяком случае, они всегда стоят рядом, в одной системе. «Смех Ренессанса, – писал М.М. Бахтин, – имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность [1, 71].

Средневековье, не допустив смех ни в одну из официальных областей жизни и идеологии, предоставило ему зато исключительные привилегии на вольность и безнаказанность вне этих областей: на площади, во время праздников, в рекреативной праздничной литературе [1, 81].

Самое содержание средневековой идеологии с ее аскетизмом, мрачным провиденциализмом, с ведущей ролью в ней таких категорий, как грех, искупление, страдание, и самый характер освященного этой идеологией феодального строя с его формами крайнего угнетения и устрашения, определили эту исключительную односторонность тона, его леденящую окаменелую серьезность. Серьезность утверждалась как единственная форма для выражения истины, добра и вообще всего существенного, значительного и важного [1, 82].

Христианство осуждает смехотворчество

Христианство осуждало смехотворчество. Однако в околоцерковном и околопраздничном быту допускались «параллельно культу чисто смеховые формы и обряды... Праздники дураков в основном носили характер пародийной трагедии официального культа, сопровождалась непристойными танцами. Особенно необузданный характер эти увеселения низшего клира носили на новый год и в праздник богоявления:

Праздник дураков и его апологеты

обжорство и пьянство прямо на алтаре, неприличные телодвижения, обнажение тел и т.п.» [1, 83].

Апологеты праздника дураков утверждали, что праздник необходим, «чтобы глупость (шутовство), которая является нашей второй природой и кажется прирожденной человеку, могла бы хоть раз в году свободно изжить себя. Бочки с вином лопнут, если время от времени не открывать отверстия и не пускать в них воздуха. Все мы, люди, – плохо сколоченные бочки, которые лопнут от вина мудрости, если это вино будет находиться в непрерывном брожении благоговения и страха Божьего. Нужно дать ему воздух, чтобы оно не испортилось. Поэтому мы и разрешаем себе в определенные дни шутовство (глупость), чтобы потом с тем большим усердием вернуться к служению Господу» [1, 84].

Следует отметить, что во время праздника дураков «не оставляли в покое ни одного текста и изречения Старого и Нового завета, из которого можно было извлечь хотя бы какой-нибудь намек или двусмысленность» [1, 96].

Смеховая культура – драма телесной жизни

М.М. Бахтин последовательно подчеркивает, что смеховая культура была «драмой телесной жизни (совокупления, рождения, роста, еды, питья, испражнений), но, разумеется, драмой не индивидуального тела и не частного материального быта, а большого родового народного тела, для которого рождение и смерть не абсолютные начало и конец, но лишь моменты его непрерывного роста и обновления» [1, 98].

Очень важно отметить свойство народного смеха – уничтожать страх. Победа над страхом ощущалась «не только как победа над мистическим страхом («страхом Божиим») и над страхом перед силами природы, – но прежде всего как победа над *моральным страхом* (М.Щ.), сковывающим, угнетающим и *замутняющим сознание* (М.Щ.) человека: страхом перед всем освященным и запретным («мана» и «табу»), перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли. Эта победа, правда, была только эфемерной, праздничной, за нею снова следовали будни страха и угнетения, но из этих праздничных просветов человеческого сознания складывалась другая неофициальная правда о мире и о человеке, которая подготавливала новое ренессансное самосознание» [1, 101–102]. Смех «освобождает не только от

внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным» [1, 105].

Автор постоянно указывает на связь смеха «с земным бессмертием народа» [1, 107]. «Карнавал... разыгрывает бессмертие и неуничтожимость народа. В карнавальном мире ощущение народного бессмертия сочетается с ощущением относительности существующей власти и господствующей правды. ...Победа всенародного изобилия материальных благ, свободы, равенства, братства. Эта победа будущего обеспечена народным бессмертием» [1, 278].

Идея бессмертия
народа

Идея бессмертия народа содержит в себе идею, можно сказать, абсолютно неизбежного исторического прогресса. Ф. Рабле «внешне не оспаривает бессмертия души вне тела... Но его интересует другое относительное бессмертие («нечто от бессмертия»), связанное с телом, с земной жизнью, доступное живому опыту. Его интересует бессмертие семени, имени, дел и человеческой культуры. ...Он хочет увековечивания земного на земле». Отсюда «образ беременной старости или рождающей смерти... ибо смерть есть омоложение жизни» [1, 440–441].

Смех возникает там, где верх перемещается в низ, там, где мысли бурлят ниже пояса. Читаем: «Мы знаем, что испражнения играли большую роль в ритуале праздника глупцов. Во время торжественного служения избранного шутовского епископа в самом храме кадили вместо ладана испражнениями. После богослужения клир садился на повозки, нагруженные испражнениями; клирики ездили по улицам и бросали испражнениями в сопровождающий их народ» [1, 159]. Образы мочи и кала амбивалентны, как и все образы материально-телесного низа: они одновременно и снижают-умерщвляют и возрождают-обновляют, они и благословенны и унижительны, в них неразрывно сплетены смерть с рождением, родовой акт с агонией [1, 163]. Известны грандиозных размеров колбасы и булки, которые специально изготавливались для карнавалов и проносились в торжественной процессии... Эта гипербола еды параллельна древнейшим гиперболам брюха, рта и фалла [1, 199]. Направление в низ присуще и всем формам народно-праздничного веселья и гротескного реализма. В низ, наизнанку, наоборот, шиворот-навыворот – таково движение, проникающее все эти формы. Все они сбрасывают в низ, переворачивают, ставят на голову, переносят верх на место

Верх и низ
в нравственном
сознании

низа, зад на место переда, как в прямом пространственном, так и в метафорическом смысле [1, 402].

Направление в низ есть направление в низ в моральном плане, то есть уничтожение нравственных критериев. Так, Пантагрюэль топит в своей моче «264619 человек, не считая женщин и детей» (аллюзия на евангельское чудо насыщения пяти тысяч человек [Мф. 14:21]*). Это, по мысли Ф. Рабле и его сторонников, вероятно, должно быть очень смешно. А вот есть еще один веселый случай: «Когда же дело дошло до ябедника, то его так славно угостили перчатками, что он своих не узнал: под глазом ему засветили фонарь, восемь ребер сломали, грудную клетку вдавили, лопатки разбили на четыре части, нижнюю челюсть – на три, и все это в шутку» [1, 217].

Не только голова и сердце оказываются ниже пояса. Исключая нравственное чувство, Ф. Рабле глумится над самым святым: над евхаристией**. Он повествует, как брат Жан убил 13622 человека в монастырском винограднике. Это – жесточайшее побоище: «... он опрокинул их как свиней... Одним он крушил головы, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым месил поясницу, остальным проламывал нос, подбивал глаза, дробил челюсти, загонял зубы в глотку, калечил ноги, выворачивал лопатки, перегибал бедра, трощил локтевые кости... Если кто лез на дерево, думая, что так он остается в безопасности, того он сажал на свое древко, как на кол... Если кто-нибудь в безрассудной смелости хотел сразиться с ним лицом к лицу, тому он показывал силу своих мышц, разбивая ему грудную клетку и сердце. Если одним он не попадал под ребра, то выворачивал им желудок, и они немедленно умирали. Другим он так жестоко ударял по пупку, что у тех вываливались кишки. Верьте мне, это было самое ужасное зрелище на свете! И весь этот кровавый эпизод проникнут не только веселыми, но прямо ликующими тонами... Совершается превращение крови в вино» [1, 226].

Большая дьяблерия
в карнавальном
пространстве

Вероятно, еще более смешным выглядит эпизод расправы с ризничным Пошеям. Участники «большой

* А евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей [Мф. 14:21].

** Евхаристия (греч. eucharistia – благодарение), главное христианское таинство. Согласно евангелиям (Мк. 14:22–25 и параллельные места в других евангелиях), ритуальные трапезы, которые Иисус разделял со своими учениками. (Ред.)

дьяблерии» потребовали у него для одеяния «Бога-отца» церковное облачение. Поскольку это требование было святотатством, Пошеям отказал. За это он был очень смешно наказан. Кобылу, на которой он ехал, погнажи. Она понеслась. Пошеям выпал из седла, одна нога запуталась в стремях. И далее подробно описывается, как отрываются разные члены, раскалывается голова, вытекает мозг, и, наконец, кобыла приносит в стремях одну только ногу Пошеям. Вот так осуществляется карнавальное «бессмертие и неучтожимость народа».

Поскольку объектом народной смеховой культуры является производящий через похороны низ, причем имеется в виду «родовое тело» народа, то совокупление всех со всеми, некий вселенский групповой брак, а, точнее, блуд делается нормой. В древнейшей французской комедийной драме «Игра в беседке» Адама де ля Аля (1262), где Эрлекин является бесом, женщинам легкого поведения, проституткам и феям принадлежит первомайская ночь с ее свободой и необузданностью.

Интересны рассуждения М.М. Бахтина на эту тему: «Поэтому монастырская колокольня, развенчанная и обновленная в образе грандиозного фалла, оплодотворяющего свою тень женщину, менее всего преувеличивает здесь монастырский разврат. Она развенчивает весь монастырь, самую почву, на которой он стоит, его ложный аскетический идеал, его отвлеченную и бесплодную вечность. Тень колокольни – тень фалла, возрождающего новую жизнь» [30].

А вот предложение Панурга о создании оборонительных сооружений: «Главные женские приманки здесь дешевле камней. Вот из них-то и надобно строить стены..., а затем прошпиговать все это... теми затвердевшими шпажонками, что обретаются в монастырских гульфиках... Такие стены крепче любого металла, им никакие удары не страшны». М.М. Бахтин комментирует: «Дешевизна парижских женщин здесь только побочный мотив, и даже в самом мотиве этом вовсе нет морального осуждения. Ведущий же мотив – плодородие, как самая могучая и крепкая сила» [1, 339].

«Военная мощь и крепость бессильны перед материально-телесным производительным началом» [1, 340].

Народно-смеховая культура была той питательной почвой, из которой возник Ренессанс. Философс-

Тело и душа
человека

кие идеи Ф. Рабле и исходили из тождественности и неотделимости жизни души от тела, которое создает душу. Вне тела душа оказалась бы совершенно пустой. «Этот перевод мира в одну плоскость, эта смена вертикали горизонталью (с параллельным усилением момента времени) осуществлялись вокруг человеческого тела, которое становилось относительным центром космоса. Но этот космос движется уже не снизу вверх, а вперед по горизонтали времени – из прошлого в будущее. В телесном человеке иерархия космоса опрокидывалась» [1, 395].

III

Радикальное несогласие с концепцией М.М. Бахтина

Вот кратко очерченная концепция смеха М.М. Бахтина. Верх спускается в низ, который все возрождает и все производит. Это некий космос-навыорот, наоборот, это дружба с бесом и отрицание святого, это атеизм и материализм, самодостаточные и вполне позволяющие человеку быть самодостаточным, это отсутствие нравственных критериев, ибо речь идет не о бытии личности, а о бытии народа (к тому же бессмертного), более того, о бытии тела народного, якобы производящего душу...

Прежде чем попытаться обрести некоторые ориентиры и критерии смешного, не могу не высказаться по поводу теории М.М. Бахтина.

У меня нет негативного отношения к личности этого ученого. У меня есть радикальное несогласие с его концепцией. Я не говорю об отвращении, которое возникает при чтении (прежде всего – нравственном) «Гаргантюа и Пантагрюэля», я говорю о самих постулатах, критериях и принципах, на которых строит свою теорию М.М. Бахтин, обращаясь к материалам, в изобилии представляемых народно-смеховой культурой.

В одном я, безусловно, согласен с М.М. Бахтиным: *смех – явление амбивалентное, двойственное, отрицающе-утверждающее, карающе-примиряющее, уничтожающе-возвышающее, убивающе-рождающее...* Но на этом согласие кончается...

IV

Изначально неверная аксиома привела к неверным результатам

Можно согласиться и с тем, что народная смеховая культура именно такова, какой ее реконструировал М.М. Бахтин. Только выводы возникают иные.

Последовательный материализм и атеизм М.М. Бахтина позволили ему выдвинуть смелые и оригинальные

нальные идеи, однако изначально неверная аксиома привела его к крайне неверным результатам.

Я вынужден говорить об этом, поскольку М.М. Бахтин многократно и, я бы сказал, с марксистско-ленинской агрессивностью высказывался против религии и настаивал на том, что народно-смеховая культура, отказываясь от неба, погружалась в производящий низ и «снижая, и хоронит и сеет одновременно, умерщвляет, чтобы родить сызнова, лучше и больше».

Это очень увлекательно – увидеть в диалектическом единстве смерть-рождение, словно действительно отрицание отрицания и есть процесс развития. Я отнюдь не отрицаю наличия гегелевского феномена отрицания отрицания, однако он ничего не созидает, ибо отрицание несет только умерщвляющее начало, то есть смерть. И говорить «беременная смерть», значит, говорить абсолютную неправду, потому что смерть – это отсутствие жизни. Смерть не может быть беременной. Беременной является *жизнь, но жизнь стареющая, уходящая*. За образом беременной смерти просматривается образ самозарождения жизни из мертвой материи. Та самая марксистская «первичность материи» по отношению к сознанию. Один американский ученый остроумно заметил, что вероятность самозарождения живого белка равна тому, как если бы обезьяна перепечатала на пишущей машинке тысячу раз Библию без единой ошибки. Доказательств глобального безумия идеи первичности материи слишком много, чтобы их повторять здесь.

Вера и неверие не существуют на уровне рациональных доказательств. Это область личного постижения главной Тайны бытия. Здесь я могу лишь констатировать состоявшуюся апостасию большей части человечества и тотальное пребывание во лжи, ибо отказ от Бога, синоним которого Истина, не может не быть и отказом от Жизни. А Жизнь – это тоже синоним Бога.

Претендуя на обретение миросозерцательной концепции, которую демонстрирует нам народная смеховая культура, М.М. Бахтин строит свой дом на песке. И если мы вслед за ним принимаем его оригинальные и парадоксальные (а посему кажущиеся особенно убедительными) постулаты за основу, то мы оказываемся во власти химер, то есть тех самых зверо-человеческих существ, в которых зримо воплощен (по мнению М.М. Бахтина) стиль народно-смеховой культуры – «гротескный реализм».

Состоявшаяся
апостасия,
состоявшееся
отчуждение

V

О чуждости народу религиозного видения

М.М. Бахтин настойчиво подчеркивал чуждость народу религиозных устремлений. Термин «религиозный», как уже говорилось выше, стоит почти всегда рядом с терминами «серьезный, официальный».

Противопоставлялась народная смеховая свобода окаменевшей официальной серьезности эксплуататорской власти, хранителем которой является религия. Вполне марксистский взгляд, однако отражает ли он истину? Не будем отрицать, что эксплуатация, угнетение, наличие «волков и овец» в человеческом обществе – несомненный факт. Но превращать религиозность и серьезность только в атрибут эксплуататорского общества – это уж слишком! Итак, не отрицая возможность наличия союза серьезности и религиозности с социальной властью, мы можем спросить: «Только ли этим союзом они рождаются, координируются, и ему ли они служат в первую очередь?»

В чем смысл жизни?

Что же лежит в основе серьезности и религиозности? Прежде всего, вопрос: «*В чем смысл жизни?*». Разве для каждого человека это несущественный вопрос? Это главный *личный* вопрос. И вопрос сверхсерьезный. Или еще один вопрос: «*Как жить по совести?*». Разве он не стоит лично перед каждым человеком со всей серьезностью? Или вопрос: «*Что есть добро, а что зло?*». Разве это проблемы эксплуататорского государства, а не лично каждого человека? И серьезная проблема. Очевидно, что тенденция, которой следует М.М. Бахтин, превращающая смех в основу народной культуры, глубоко ошибочна. Отнюдь не отрицая наличия смехового начала, мы должны констатировать, прежде всего, наличие серьезного и религиозного начала в народной культуре, хотя бы потому, что жизнь, бытие, выживание – дело серьезное. И не только в празднике проявляется мирозерцательное народное начало.

VI

О высоком и низком, о биологизации народа и человека

На протяжении всего труда М.М. Бахтина высказывалась в разных вариациях одна и та же мысль: все высокое – то, что выше живота и производительных органов нужно похоронить в этих органах, и тогда из отходов и отбросов возникнет прекрасное новое. Это, собственно, гимн «производящему низу»: в нем смерть и жизнь, в нем возникновение нового и лучшего, в нем движение и прогресс, то есть светлое будущее человечества.

Но если взглянуть на эту проблему трезво (*и вполне материалистично*), то можно спросить: «Конечно, навоз и семя, погруженное в землю, и прочие атрибуты, умирающие и распадающиеся, производят жизнь. Но возникнет ли эта жизнь, если останется только земля и исчезнет солнце?» Увы, «производящий низ» в своем абсолютном раблезианском торжестве – миф! «Производящий низ» мертв без «верха»! Святитель Николай Сербский писал: «Доброта дальновидна и видит самые удаленные причины. Злоба близорука и видит лишь самые близкие причины... Злоба и осел видят, что росту кукурузы способствует навоз. Доброта видит, что росту кукурузы способствует Бог» [2, 308–309].

М.М. Бахтин, перемещая вместе с Ф. Рабле мозг, сердце, разум, совесть в низ, то есть в задний проход, в чрево, в половые органы, оставляет землю без солнца: *ведь на месте головы и сердца ничего не остается! Все делается «низом»*.

Такая биологизация, зоологизация народа и чело- века есть дело антинародное и антигуманное. А поскольку западное человечество в течение ряда веков осуществляло эти идеи на практике, то надо понимать, что это путь в историческое небытие, к смерти. Западные мыслители сейчас кричат о приближении гибели. А М.М. Бахтин пел им гимн.

VII

Рефрен гимна:
бессмертие народа

Основной рефрен этого гимна: бессмертие народа. Отказывая всем и всяким «претензиям на *незыблемость* и *вечность*», М.М. Бахтин противоречил сам себе, указывая на «бессмертие и неуничтожимость народа». Этих указаний достаточно много. Однако странное дело: утверждая отсутствие каких-либо абсолютных истин, отвергая религиозность как носителя неколебимых духовных и нравственных идей, декларируя только относительность и зыбкость, М.М. Бахтин настойчиво абсолютизировал «избыточное материальное начало мира... неодолимость и вечное торжество нового, бессмертие народа» [1, 298].

И дело тут не только и не столько в логической непоследовательности. Дело в том, что само «бессмертие народа» – истина сомнительная, более того, скажем прямее, это ложь. Иначе как объяснить полное исчезновение с исторической арены многих народов? И не просто малых, а великих, господствовавших в

течение веков! Их нет. Исчезли. Исторический опыт человечества доказывает как раз обратное: смертность всякого народа. Все живое на земле (в том числе этносы, народы, государства) конечны. Л.Н. Гумилев определил стадии этого процесса, которые измерялись веками и даже тысячелетиями, но которых избежать не получается [3].

Можно, конечно, предположить, что под понятием «народ» понимается «человечество». Но и в этом случае бессмертие весьма относительно. На сегодняшний день это очевидно все более и более. «На последнем берегу человечество» (как писал в свое время Р. Рождественский).

VIII

О вечном обновлении

Рядом с химерой «бессмертие народа» – другая химера – неизбежность исторического прогресса. «Индивидуальная душа, сделав свое дело, стареет и умирает вместе с индивидуальным телом, но тело народа и человечества, оплодотворенное умершим, вечно обновляется и неуклонно идет вперед по пути исторического совершенствования» [1, 439]. Никто не доказал, что прогресс неизбежен. Но гуманисты строят свой замок на этой основе. Однако «прогрессивным бывает и паралич» (о. Александр Ильяшенко), всякая ветвь развития может оказаться и тупиковой.

Для сторонников неизбежности исторического прогресса кумиром является *новое*. Но всякое ли новое – благо? Свой труд М.М. Бахтин закончил в 1940 году. Перед ним была картина торжества атеизма, материализма, прогресса, нового и, якобы, народного – миллионы человеческих жизней, геноцид народа (прежде всего русского), уничтожение священства (прямо по рецепту Ф. Рабле, если вспомнить смерть Пошеям)...

Воистину верно писал Святитель Николай Сербский: «Все дела твои, которые творишь ты не во имя Неба и без разрешения Неба, принесут горький плод, потому что Небо не польет их своим благодатным дождем, не осияет своим животворящим светом» [2, 315].

Удивительная слепота умнейших людей! Интеллигенция, превратив народ в кумир и веруя в прогресс (коммунизм), умирала за эту идею, звала на свою голову и на голову народа революцию и дозвалась! Откуда такое извращение, такая слепота, такое безумие?

Корни безумного видения в агрессивной смеховой культуре

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что возможно корни этого безумия и в той самой народно-смеховой культуре, которая издевается над религией, над незыблемым, над высоким и нравственным, которая превращает тело и его низ в объект поклонения, которая признает только землю без неба...

IX

Народно-смеховая культура не имеет не только головы, но и сердца

Мысля человека как тело (начиная с желудка и ниже), народно-смеховая культура с ее вершиной в Ф. Рабле последовательно не имеет не только головы, но и сердца. Подвергая осмеянию все святое и вечное, возможно ли не осмеять заповедь «возлюби ближнего, как самого себя»?

Я уже упоминал, как брат Жан убил 13 622 человека в монастырском винограднике и как уничтожен был Пошеям, как Пантагрюэль топит в своей моче 264 418 человек и как весело наказывает ябедника. На страницах романа людей многократно расчленяют на куски со всеми анатомическими подробностями. Точно так же Панург наказывает даму, отказавшуюся лечь с ним в постель, самым гнусным и отвратительным способом. *Нравственные оценки? Сочувствие человеку? Чужая боль и страдание?* Эти качества (по М.М. Бахтину) относятся к личному телу, а не к родовому, народному, для которого несущественны смерти и страдания отдельных людей, главное – побеждает новое и лучшее. «Смерть индивида, – пишет М.М. Бахтин, – только момент торжествующей жизни народа и человечества, момент, необходимый для обновления и совершенствования их» [1, 396].

Смерть для забавы – составная часть смеховой культуры

Вспомним вопрос, поставленный Ф.М. Достоевским: если для счастья человечества нужно будет уничтожить одного ребенка, допустимо ли такое счастье? И ответ его был: нет! Пантагрюэль топит многие тысячи – не для счастья человечества, а для забавы, «не считая женщин и детей». Ф. Рабле и М.М. Бахтин относятся к этому как к чему-то должному и допустимому...

Отказ от великой заповеди любви к Богу и ближнему развязывает руки низости, подлости, мерзости, тому внутреннему скоту, который есть в каждом человеке и которого каждому из нас необходимо обузывать и ставить в стойло.

Парадоксальная идея рождающей смерти делает убийство масс людей делом не только позволительным, но и сверх-положительным. У Пантагрюэля есть (непонятно почему) право распоряжаться жизнью многих тысяч людей.

Стадное ржание
над тем, что должно
быть смешно

Вероятно, он знает, что, уничтожая одних людей, он уничтожает отжившее старое, а, оставляя жить других людей, он утверждает прогрессивное новое. Но допустить эту мысль невозможно. Оправдать массовое убийство тоже невозможно. Что остается? Аплодировать, тупо и стадно ржать: ведь потопил-то в моче!

Оправдание здесь осуществляется через идею поклонения народу как кумиру. Ведь это *народно-смеховая культура!* А народ всегда прав. Ему надо служить, с ним надо быть, ему, народу (родовому телу?) надо кадить...

Есть стереотип:
народ – это низы,
это чернь

Здесь мы сталкиваемся с неадекватным и вульгарным понятием «народ», которое, к сожалению, разделяет и М.М. Бахтин. Вспомним А.П. Чехова: «Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное». *Все мы народ!* Однако существует стереотип: народ – это низы, это чернь.

Когда человек делается частью толпы, стада, массы, происходят изменения в его психике (это данные науки): резко понижается уровень интеллектуальности и нравственности, резко повышается уровень агрессивности, жестокости, подверженности психозам, паники и эйфории. И здесь мы рискуем воистину встретиться с телом, а не с духом. Это и происходит у Ф. Рабле. И вслед за ним у М.М. Бахтина.

Отрицание этики
в искусстве – это
болезнь

Отрицание этики в искусстве – это болезнь не только XX–XXI веков. Начала ее – в той самой народно-смеховой культуре, которая корнями уходит в древние сатурналии*. Смею назвать эту болезнь смертельной. И для народа.

Культура,
отказавшаяся
от нравственности,
обречена

Культура, отказавшаяся от нравственности, обречена. Эстетика, отказавшаяся от этики, делает своим критерием безобразное (главный принцип «гротескного реализма» как стиля народно-смеховой культуры).

Аксиомой для модернизма и постмодернизма (и, как уже указывалось, для гротескного реализма) является *имморальность*. То есть *внеморальность*. Однако внеморальность имеет очевидное свойство иметь в себе аморальность. А это уже гибель. Сама

* Сатурналии (лат. Saturnalia) – в Древнем Риме ежегодные празднества в честь Сатурна. Справлялись после уборки урожая во время зимнего солнцестояния. Сопровождались карнавалом, во время которого рабы «уравнивались» с господами и даже обслуживались ими, бедным гражданам раздавались деньги. Ритуал сатурналий, включая обычай делать друг другу подарки, сохранился в обрядах христианского праздника Рождества.

установка на имморальность уродлива. Человек – существо, включающее в себя не только тело, но и душу, и разум, и совесть, и волю. В то же время человек – главный объект искусства. Лишая его совести (именно в ней заключены нравственные императивы), мы делаем его уродливым, поскольку отсекаем наиглавнейший орган. Мы культивируем зверо-человека. Но этого мало!

Человек вне совести – это ложь о человеке

Человек вне совести – это ложь о человеке. Таким образом, мы насаждаем ложь, бессовестность и уродство. Именно это делает в огромной степени существенная часть современного искусства.

Народно-смеховая культура, отказываясь от нравственности, от правды о человеке, забыв о красоте, погружает и личность и народ в «низ», в могилу, в смерть, которая по сути своей не может быть беременной. Беременно будущим зерно (живое зерно), но и из него может вырасти чудовище, если поместить его в среду, подавляющую видовые качества человека (душу, совесть, разум) и превращающую его в нижнюю часть тела. Это чудовище – Ренессанс.

X

М. Бахтин, вслед за Ф. Рабле, нападал на самое святая святых средневекового мировоззрения

М.М. Бахтин, совершая вместе с Ф. Рабле «нападение на основные догматы, таинства, на самое святая святых средневекового мировоззрения», странно любезен и даже привержен силам сатанинским. Не сказав ни одного доброго слова в адрес Христа, Богоматери, святых, он не раз подчеркивает, что в черте «нет ничего страшного и чуждого», что «черти – славные ребята и отличные собутыльники» [1, 47]. В дьяблериях средневековых мистерий, в смеховых загробных видениях, в пародийных легендах, в фавль и пр. черт – это веселый амбивалентный носитель неофициальных точек зрения, святости наизнанку, представитель материально-телесного низа и т.п.

Будучи атеистом, то есть человеком, отрицающим существование потустороннего мира, М.М. Бахтин, вслед за Ф. Рабле, берет почему-то в друзья темного представителя этого мира, которого не без оснований называют «обезьяной Бога», «отцом лжи», «человекоубийцей», «клеветником». Интересное совпадение атеизма и сатанизма.

М.М. Бахтин, указывая на то, что для Ф. Рабле «шут и дурак святые» [1, 284], далее писал, что «мистерийный черт – ...это амбивалентный образ, похожий в

Народно-смеховая культура тесно связана не только с «низом», но и с дьяволом

этом отношении на дурака и шута» [1, 290]. Он почти договорился до того, что дьявол свят!

Карнавал и народно-смеховая культура крепко связаны не только с «производящим низом», но и с дьяволом. М.М. Бахтин сам многократно указывал на это, описывая дьяблерии, сцены ада, в которых бесы являются активными участниками. Называются и конкретные корни главных героев ренессансного карнавала: мистериальный черт Эрлекин, который превращается в карнавальную и комедийную фигуру Арлекина. А образ Пантагрюэля как мистериального черта связан, с одной стороны, с космическими стихиями (воды и с морской солью), с другой стороны, – с гротескным образом тела (разинутый рот, жажда и пьянство).

Ф. Рабле, будучи францисканским монахом, странным образом воплотил в своем романе не только издевательство и надругательства над святынями, не только служил лжи, бессердечности, безнравственности и уродству, но достаточно откровенно высказывал цель точно так же, как сатана Адаму и Еве: «Будете как боги». М.М. Бахтин не скрывал этого, поясняя мысль Ф. Рабле: «Люди вторгнутся в космос, женятся на богинях небесных тел и таким путем сами станут как боги». ... «Здесь изображается обожествление, апофеоз человека» [1, 398].

XI

Ренессанс изменил самосознание людей

Как видим, это уже глубоко ренессансная идея. О Ренессансе написаны многие-многие тома. О том, что земля, плоть, тело заменили собой небо. О том, что *теоцентристская концепция мира сменилась антропоцентристской*. О том, что возник гуманизм – и человек стал осознавать себя вне Бога, а затем – без Бога. О том, что человек сделался высшей ценностью и освободился от предрассудков. О том, что человек стал помнить о жизни и забыл о смерти... В том же духе писал и М.М. Бахтин. Бог – это интеллектуальная сфера, центр которой везде, а окружность «нигде». Ренессансное сознание децентрализует вселенную: центр повсюду, все места равны. Но подлинное богатство только внизу. Центром мира становится не просто каждый отдельный человек, но его тело. М.М. Бахтин писал: «В средневековой картине мира верх и низ, выше и ниже, имеют абсолютное значение как в пространственном, так и в ценностном смысле. ... Всякое существенное движение мыслилось и представлялось

только как движение в верх или в низ, как движение по вертикали... Все лучшее было высшим, все худшее было низшим... Поражает почти полное отсутствие среди всех этих двигательных образов движения по горизонтали, движения вперед или назад. Образ движения по горизонтали был искривлен и смещен средневековой вертикалью, иерархической оценкой «земного пространства»...

Время мыслилось и представлялось как горизонталь. Поэтому иерархия представлялась вневременной... Не было представления о прогрессе во времени, о движении вперед во времени... Эсхатологизм средневекового мировоззрения также обесценивал время» [1, 436].

Процесс
секуляризации
начал новую и
новейшую историю

Ренессанс явился итогом борьбы принципов, которые включала в себя и народно-смеховая культура, с нормами католичества. Чтобы потом западная церковь ни предпринимала, в какие одежды ни одевалась, процесса секуляризации (прежде всего сознания) она остановить не могла, и сама все более последовательно обмирщивалась. Вся новая и новейшая история проходит под знаком идей, столь ярко выраженных Ф. Рабле, то есть вне Бога, по горизонтали, в отказе от вечного и в приверженности временному, с человеком, не знающим страха (ибо выше человека ничего и никого нет), с человеком, являющимся зоологическим существом, для которого нравственность не есть безусловный закон. В истории совершена роковая глобальная ошибка. Вероятно, она была неизбежна в силу поврежденности человеческой природы. Сейчас для мыслящего человека очевиден тупик западной цивилизации. Симптоматичны названия серьезных исследований: «Закат Европы», «Средний европеец как идеал и оружие мирового зла», «Смерть Запада»...

Остановить процесс
секуляризации –
значит перестать
тяготеть к гедонизму

Но остановить этот процесс Запад не хочет и не может, потому что создано достаточно убедительное подобие земного рая, выраженного в комфорте и гедонизме. Е.Н. Трубецкой (идеи которого я хочу противопоставить идеям М.М. Бахтина) писал: «Чем больше этого благополучия и комфорта в земной обстановке человека, тем меньше он ощущает влечения к запредельному» [4, 243].

Россия, будучи окраиной Европы и тщась стать некоей «средней Европой», находится в ином положении. Она одна «граничит с Небом» (Рильке). Ибо православна – по традициям и по напряженной актуальности сегодня. М.М. Бахтин констатировал, что про-

Сегодня в России созрела потребность в обретении Бога и смысла жизни

цесс карнавального объединения народно-праздничных форм в России «вовсе не совершился. Петр Великий... пытался привить у нас формы поздней европейской традиции «праздника глупцов»..., первоапрельских карнавальных шуток и др., но формы эти не укрепились» [1, 237].

Сегодня именно в России созрела очевидная потребность в религиозном отношении к миру, в обретении Бога, в обретении смысла жизни и жизни по Богу. Е.Н. Трубецкой писал: «Будем помнить: великий духовный подъем и великая творческая мысль, особенно мысль религиозная, всегда выковывается страданиями народа и великими испытаниями» [4, 245]. Но рядом – тотальный гуманистический бред, от которого освободиться почти невозможно. Я уже писал, что основные понятия у нас ловко перепутаны. Ориентиры сбиты.

Печальнее всего то, что интеллигенция (прежде всего творческая) исповедует те самые принципы, которые заложены в Ренессансе, в Ф. Рабле и в, так называемой, «народно-смеховой культуре».

В XIX веке и в начале XX интеллигенция накликala революцию. Что она теперь накликает? Смерть. Увы, ничем больше не беременную.

XII

Противоборство мнений мыслителей

А.И. Солженицын как-то высказал мысль, что Возрождение с его культом плоти возникло как реакция на слишком большое давление на плоть, как реакция на то насилие, которое оказывала католическая церковь на европейские народы, заставляя их быть христианами. То есть духовность искусственно навязывалась, а плоть искусственно угнеталась. Думаю, что это объяснение в корне неверно. Причину всегда нужно искать в отступлении от истины. «Институт папства, который нормально должен был обеспечить единство и слаженность христианского мира, – писал протоиерей Александр Шмеман, – оказался действительной причиной всех разделений, которые разрывают его в течение тысячелетий». Латинская ересь состояла, в частности, в том, что человек (папа) подменил собой Христа. Этот шаг логично потребовал борьбы за светскую власть, в которую римский престол включился и в которой пребывал и пребывает в течение многих веков. «Церковь испытала на себе тлетворное влияние мирского величия» (Е.Н. Трубецкой). «Основной грех римской Церкви всегда заклю-

Сущностные
особенности борьбы
классов

чался в снижении евангельских истин до категорий земного общества» (протоиерей И. Мейендорф).

Религия сделалась частью и орудием борьбы за власть, что дает право М.М. Бахтину совершенно справедливо ставить ее в один ряд с официальной серьезной классовой идеологией, против которой у низших слоев народа возникает законный протест. И народно-смеховая культура делается средством этой борьбы.

Вспомним «Великого инквизитора» Ф.М. Достоевского: Христос оказался ненужным католической церкви, ее цели сделались сугубо земными. «Западное богословие... отказывается от обожения человека» (В. Лосский).

А.И. Герцен говорил (и достаточно справедливо), что европейские народы поражены мещанством. *Классовая борьба – это и есть борьба мещан голодных с мещанами сытыми.* Ромен Роллан с его гальским юмором, имеющим раблезианские корни, вполне внятно выразился устами Кола Брюньона: «Всегда было и там, и тут: большие маленьких грызут, а когда беда стрясется с ними, малые смеются над большими».

М.М. Бахтин, как я уже говорил, размышлял вполне в духе марксистско-ленинской историко-диалектической догматики и теории классовой борьбы. Народно-смеховая культура, толкающая европейское человечество развиваться по горизонтали, вполне устраивал и классика марксизма: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» [5, 418].

Однако дело обстоит не так просто и с историей, и со смеховой культурой, поскольку подмена Бога человеком (задолго до Ренессанса!) определила человекобожеский путь Европы, являющийся противоположностью богочеловеческого пути православного мира.

XIII

Человекобожие –
абсурд

Но человекобожие есть огромная неправда. И отказ от Бога есть путь к отцу всякой неправды – дьяволу. Народно-смеховая культура в западноевропейском варианте возникла в дохристианском языческом мире, а поскольку христианская культура Западной Европы стала уклоняться и уклонилась в сторону

Двойственность
состояния сознания
ведет к потере
ценностных
ориентиров

человекобожия, то стало вполне возможно кадить и ладаном и калом (простите, цитирую М.М. Бахтина), десять месяцев в году быть христианами, два месяца – язычниками. Монахи не только молились, но и были участниками праздника дураков и создателями *rago-dia sasra*, литургии пьяниц, литургии ослов, дьяблерий и многих травестий священных текстов и чино-последований.

Издевательству подвергалось все святое. Такая двойственность, такое состояние, когда одной рукой крестятся, а другой чешутся, отрицает целомудрие, целостность человеческой личности. Это распад личности, потому что целостность это и целость («цел и невредим»). Раздвоенность – это гибель. Как спастись? Спрятаться в смех, основой которого и является раздвоенность, амбивалентность. Перемешать верх и низ, общаться на основе восхваления – срамословия, сделать смерть созидающим началом. М.М. Бахтин пытался объяснить суть происходящего: «Двухтонное слово позволяло смеющемуся народу, который был менее всего заинтересован в стабилизации существующего строя и господствующей картины мира (официальной правды), схватывать становящееся целое мира, веселую относительность всех его ограниченных классовых правд и истин, постоянную неготовность мира, постоянное смещение в нем лжи и правды, зла и добра, тьмы и света, злобы и ласки, смерти и жизни» [1, 470].

Но дело не только в потере целостности личности, но и в потере внутреннего духовного содержания западной христианской культуры. Задолго до Ренессанса она оказалась формально-христианской.

Ренессанс был в чем-то положительным явлением. Если до него Западная Европа, лишившись духа христианства, делала вид, что она исповедует христианство, то эпоха Возрождения и все дальнейшие эпохи все более последовательно и откровенно говорят правду: мы – не христиане! Мы гуманисты, атеисты, материалисты... «Мы живем, без преувеличения, в страшную и опасную эпоху, – писал протоиерей Александр Шмеман. – Страшна она, прежде всего, все увеличивающимся восстанием против Бога и Его Царства. Снова не Бог, а человек стал мерой всех вещей, снова не вера, а идеология, утопия определяет собою духовное состояние мира. Западное христианство с какого-то момента как бы приняло эту перспективу: почти мгновенно возникло «богословие освобождения», вопросы эконо-

мические, политические, психологические заменили собой христианское видение мира, служение Богу».

XIV

Сведение человека к его телу – грандиозная ложь о человеке: тело без духа – труп

Князь Е.Н. Трубецкой, осмысливая значение иконы в современном мире, касался нашей проблемы.

Сведение человека к его телу, а тела – к производительным органам, к производящему низу, как я уже говорил, это грандиозная ложь о человеке. Тело без духа – труп. «Главное отличие человека от всех вещей этого мира и даже от существ мира животного, – писал Е.Н. Трубецкой, – заключается в том, что он духоносец, его тело есть сосуд, а вместе орудие и форма живущего в нем духа... Нельзя рассматривать тело только как мясо и кости, отдельно от живущего в нем духа: без него оно даже и не существует как тело» [4, 282].

Позволю себе еще процитировать замечательного русского мыслителя. «В чем же – эта отталкивающая сила иконы и что, собственно, она отталкивает? Я осязательно это понял, когда после осмотра икон в музее Александра III в Петрограде, я случайно слишком скоро попал в Императорский Эрмитаж. Чувство острой тошноты, которое я испытал при виде Рубensoвских вакханалий, тотчас объяснило мне то самое свойство икон, о котором я думал: вакханалия и есть крайнее олицетворение той жизни, которая отталкивается иконой. Разжиревшая трясущаяся плоть, которая услаждается собою, жрет и непременно убивает, чтобы пожираться, – это то самое, чему, прежде всего, преграждают путь благословляющие персты. Но этого мало: они требуют от нас, чтобы мы оставили за порогом и всякую пошлость житейскую, потому что «житейские попечения», которые требуется отложить, также утверждают господство сытой плоти. Пока мы не освободимся от ее чар, икона не заговорит с нами. А когда она заговорит, она возвестит нам высшую радость – сверхбиологический смысл жизни и конец звериному царству» [4, 208].

Человек должен подняться над собой

Строки, которые я цитирую, Е.Н. Трубецкой писал во время Первой мировой войны перед революцией, ужаснувшись от «надвигающегося хаоса и бессмыслицы»: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога или в зверя. В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Оно должно окончательно определиться в ту или

другую сторону. Что же победит в нем, – культурный зоологизм или то «сердце милующее», которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной, – зверинцем или храмом?» [4, 210].

XV

Между язычеством
и христианством

Какую же картину мы видим, когда открывается уходящая в глубь веков грандиозная перспектива взаимодействия «народной смеховой культуры» и римско-католической (а затем и протестантской) идеологии? Это была борьба языческих и христианских тенденций. Святые отцы относились к язычеству, как к мерзости, а к богам языческого пантеона, как к бесам. У кого-то из читателей возникает протест, поскольку в язычестве заключено много положительного. Это, безусловно, так, но в язычестве есть одна ошибка, которая меняет знак «плюс» на «минус». Отец Павел Флоренский писал о качественном на всем протяжении канате, у которого только в одном месте дефект: вместо каната – ниточка. И по этому канату уже не поднимешься. Так и язычество. Не имея единого Бога, оно отдает весь свой духовный мир другому хозяину, для которого ложная картина мира необходима: ибо только так он властвует. «Мы забыли, что... религия – насколько от Бога, от неистребимой в человеке жажды и искания Его, настолько и от князя мира сего, оторвавшего человека от Бога и погрузившего его в страшную тьму неведения» (протоиерей Александр Шмеман).

Народно-смеховая культура была носителем языческих начал, она находилась под властью дьявола, в ее смехе виден сатанинский оскал: лживость, уродливость, безнравственность, издевательство над святым, свобода для всего порочного и открытый, не скрываемый даже, союз с дьяволом.

М.М. Бахтин, превратив в кумир народ и народно-смеховую культуру, утверждал, солидаризуясь с европейским нео-человечеством, новое язычество, новую квазирелигию, опирающуюся на другую квазирелигию – атеизм, – взамен, якобы изжившему себя, христианству.

М.М. Бахтин писал, что смех закрывает, защищает человека от страшного, что средневековый и ренессансный человек знает страшное только в форме смешных страшилищ, то есть только как побежденное смехом страшное.

Смех может
фатально усугублять
беззащитность
человека

Страшное связано у человека прежде всего со смертью. Уже высказывались мысли о том, что смех способен закрывать глаза на смерть (неслучайно и созвучие этих слов), но проблема смерти не может решиться для каждого человека, кроме как на религиозном уровне. Поэтому смех, закрывая глаза на смерть, уподобляет человека воину, который, зажмурив глаза, устремляется в атаку, или страусу, спрятавшему голову в песок, то есть смех только фатально усугубляет незащищенность человека перед смертью. Дьявол, отец лжи, является и человекоубийцей. Погружая человека и человечество в смеховую культуру, он обманывает и убивает.

XVI

Смех не кажется грехом, но ведет к явному греху

Католическая церковь боролась с народно-смеховой культурой, однако безуспешно, и поскольку победа осталась за последней и выразилась в торжестве квазирелигии – гуманизма, все более очевидным делается неизбежность «заката Европы» и «смерти Запада».

Во всяком случае, христианство является антагонистом смеховой культуры. «Уже раннее христианство, – писал М.М. Бахтин, – ...осуждало смех. Тертуллиан, Киприан, Иоанн Златоуст выступали против античных зрелищных форм, особенно против мима, против мимического смеха и шуток. Иоанн Златоуст прямо заявляет, что шутки и смех не от Бога, а от черта; христианину подобает лишь постоянная серьезность, покаяние и скорбь о своих грехах. В борьбе с арианами им ставили в вину, что они вводили в богослужение элементы мима: напевы, жестикуляцию и смех» [1, 82].

Думается, стоит и сегодня задуматься над словами Иоанна Златоуста, сказанными более 16 столетий назад, которые словно специально сказаны по поводу раблезианской концепции народно-смеховой культуры: «Смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху: часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела; часто от слов и смеха – ругательства и оскорбления, удары и раны, от ран и ударов – смертельные поражения и убийства» [5, 234].

Возможно ли сегодня, относя себя к христианам, категорически отказаться от смеха? Смеха, который в невероятном изобилии изливается с экранов и эстрад, и не просто изливается, а навязывается, который по

Есть смех светлый,
веселый

З. Фрейд имеет своим предметом секс, прямую кишку и правительство. Такой смех, безусловно, враждебен христианству, но, очевидно, родственен «народно-смеховой культуре», о качествах которой мы уже говорили.

Но есть смех иной, веселость иного рода. Веселость оптинских старцев, смех Н.В. Гоголя, смех А.П. Чехова. Несомненно, имеется нечто общее в самом понятии «смех», однако трудно себе представить, чтобы юмор Н.В. Гоголя, истекающий из русской смеховой культуры, имел своим предметом массовые убийства, расчленения тел, забрасывание калом, сексуальную разнuzданность и непристойность. М.М. Бахтин настаивает на причастности Н.В. Гоголя к смеховой народной культуре, но отмечает, что многие традиции западноевропейской смеховой культуры с русской не созвучны. Что ж, с этим трудно не согласиться.

Думается: и З. Фрейд, и М.М. Бахтин вульгаризируют природу смешного. Ведь обязательное качество смеха – занижение – не есть обязательное опускание в преисподнюю и радикальную смену позиций верха и низа.

XVII

Карнавальная
стихия не скрывает
своей кровной связи
с падшими духами

Бывает странно слышать и в православной среде слова сочувственного отношения к идеям М.М. Бахтина. Так, один очень уважаемый мной священник говорил как-то, что карнавал дает возможность увидеть предмет в истинном свете.

В таком случае, «что есть Истина?». Господь сказал: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» [Мф. 12:30].

Карнавальная стихия не скрывает своей кровной связи с падшими духами. О каком же «истинном свете» можно говорить, вступая в союз с отцом лжи? А вот высказывание православного филолога: «Как известно, по Бахтину, карнавал есть нарушение нормального порядка вещей, основанного на иерархии, на подчинении жизни Абсолюту, абсолютным ценностям; верх и низ на время карнавала меняются местами, а то, что ниже живота, опять же временно начинает в иерархии преобладать над умом и сердцем... Здесь, однако, очевидно (М.Щ.), что реальный карнавал как явление, характерное для позднего Средневековья и, в особенности, Ренессанса, вовсе не был глобальным принципом всей жизни вообще; он имел смысл, нес символическую нагрузку лишь на фоне нормального порядка вещей (определяемого Церко-

Миф о мирном симбиозе противоположных культур

вью, основанной Самим Христом), как *условно-символическое* (М.Щ.) нарушение его. Ни одному из участников реального средневекового карнавала в страшном сне не могло присниться превращение вообще всей жизни в карнавал» [7].

Довольно странное суждение. Господь говорит о том, что мы по плодам должны судить о древе [Мф. 7: 16]. Так называемый Ренессанс имел и осуществил пафос автономии человека от Бога, то есть был не возрождением, а вырождением религиозного духа в Европе. Вот его плоды. Поэтому вслед за М.М. Бахтиным повторять миф о некоем мирном симбиозе двух противоположных культур, отрицающих друг друга, думается, для христиан, мягко говоря, неосмотрительно.

Католическая церковь, как это уже было сказано выше, пошла по пути утверждения своей власти в горизонтальном мире. Это неизбежно вызывает реакцию отторжения, ибо сказано: в Царство Небесное ведет узкий путь [Мф. 7:14], а широкий путь – в геенну огненную. Католическая церковь, пытаясь вместить в себе волю Божию и волю кесареву, насаждала узкий путь для самых широких народных масс Европы. Вера – область таинственных отношений между каждой человеческой личностью и Богом. Когда же вера делается официальной и насильственной, уничтожается ее сущность. Собственно, антагонистичным протестом против такого тотального давления и является народная смеховая культура, утверждающая культ плоти и отрицающая культ духа.

Угроза смены богопочитания человекопочитанием

Этот процесс в мире не нов. Уже в Ветхом Завете мы читаем о том, что все более люди превращаются в плоть [Быт. 6:3]. Борьба монотеизма и язычества, собственно, и составляет внутреннее содержание ветхозаветной истории. И не только ветхозаветной, но и новой, и новейшей.

Бытие средневековой и ренессансной карнаваль-ной народной смеховой культуры, плотской и демонической по своим установкам, есть последовательная борьба с христианством, утвердившимся в Европе в своей конкретно-исторической форме. В зависимости от силы антагонистов здесь возможны лишь разные формы войны: уничтожение противника, наступление, отступление, атака, осада и... временное перемирие. Несмотря на то, что перемирие может длиться века, не нужно принимать его за принципиально мирное сосуществование. Окидывая взглядом историю христианского человечества, мы видим, как вслед за

утверждением христианства следует его низвержение и смена богопочитания человекопочитанием...

Карнавал в странах Европы, согласно исследованиям М.М. Бахтина, длился до двух месяцев в году, то есть 1/6 часть года народ жил по антихристианским нормам.

Христос сказал: «Бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» [Мф. 24:42]. Это значит, что каждый час человек должен ждать Господа, который будет судить в том, в чем застал. Что ждет участников карнавала, то есть неких христиан, которые решили пошалить, призвали в свои игры дьявола и облили грязью святыни?

Вспомним слово Господне: «Говорю же вам, что *за всякое праздное слово*, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» [Мф. 12:36]. Как видим, Господь не указывает на то, в какое время (в карнавальное или обычное) говорится праздное слово: *в любое время!*

И поскольку Он сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» [Мф. 24:35], то, думается, не следует проходить мимо предупреждения: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» [Лк. 6: 25].

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965.

2. *Святитель Николай Сербский.* Избранное. – Минск, 2004.

3. *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. – М., 1993.

4. *Трубецкой Е.Н.* Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. – М., 1993.

5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 1.

6. *Святитель Иоанн Златоуст.* Увещаваю вас, возлюбленные. М., 2008. С. 238.

7. *Семенко В.* Православная беседа. – 2004. – № 6.
